

О. П Е Р О В С К А Я
РЕБЯТА и ЗВЕРЯТА

Л

Ольга Перовская
Ребята и зверята (сборник)

Издательство «Детская литература»

1925, 1939

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Перовская О. В.

Ребята и зверята (сборник) / О. В. Перовская — Издательство
«Детская литература», 1925, 1939

ISBN 978-5-08-005318-4

Книга, известная многим поколениям юных читателей нашей страны,
рассказывает о трогательной дружбе ребят с домашними и приручёнными
дикими животными. Для младшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005318-4

© Перовская О. В., 1925, 1939
© Издательство «Детская
литература», 1925, 1939

Содержание

Ребята и зверята	6
Дианка и Томчик	6
Мишка	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ольга Перовская

Ребята и зверята (сборник)

© Перовская О. В., наследники, 1925, 1939

© Годин И. М., наследники, рисунки, 1955, 1963

© АО «Издательство «Детская литература», 2017

* * *

*Светлой памяти дорогих моих родителей эти воспоминания
детства посвящаю.*

Ольга Перовская

Ребята и зверята

Дианка и Томчик

В Средней Азии между двумя большими реками есть плодородная, цветущая местность. По-казахски она называется Джеты-Су, а по-русски – семь рек, Семиречье.

В Семиречье много гор, лесов, зелёных долин и фруктовых садов. Один город особенно славится своими большими яблоневыми садами. Зовут этот город Алма-Ата, что значит «Яблоне-вый».

Сейчас этот «Яблоне-вый» значит не одними только яблоками и садами. Это круп-ный культурный и промышленный центр Казахстана. Поезда-экспрессы из самбй Москвы регу-лярно прибывают к величественному зданию алма-атинского вокзала.

Многоэтажные дворцы академий, институтов, театров и кино сверкают на солнце, как снежные вершины гор. А горы в своей вечной спокойной красоте высятся, как и прежде.

По широким асфальтированным улицам проходят трамваи, снуют бесконечные машины, грузовики, троллейбусы, и множество нарядных загорелых туристов направляется в специаль-ных автобусах к живописным загородным паркам, в горные санатории и дома отдыха.

Вот каким стал в наши дни когда-то захолустный и тихий «Отец яблок» моего далёкого детства.

В то время, когда я была маленькой, Алма-Ата стояла за шестьсот вёрст¹ от железной дороги. Народу в городе было мало, а если раз в год на улице появлялся автомобиль, то все бросали свои дела и бежали смотреть на него, как на чудо.

Домики тогда строились одноэтажные. В густых садах они были как грибы – сразу-то и не разглядишь.

Мы жили в Алма-Ате. У нас был маленький дом и большой сад. В саду росли... ну и яблони, конечно!.. Но главное – там вместе с нами вырастали наши любимцы: разные домашние и дикие животные.

Отец постоянно привозил нам с охоты живых зверят. Мы сами кормили их, смотрели за ними и воспитывали их.

У каждой были свои питомцы: у одной – юркий лисёнок, у другой – ослик, а у самой маленькой сестры – морская свинка.

– А тебе я привезу волчонка, – пообещал мне отец.

– Волчо-онка?.. Ну, это, пожалуй, чересчур. Его не очень-то приручишь. Привези-ка лучше кого-нибудь другого.

– В самом деле, не вздумай привезти волчонка! – всполошилась мама. – Искусает всех, исцарапает и убежит.

– Эх вы, трусихи! Волчонка маленького испугались. А ясаль! Как раз волки замечательно приручаются.

И он рассказал нам про одного ручного волка.

Этот волк, как самая преданная собака, любил своего хозяина, ходил за ним по пятам, защищал его от врагов, сторожил его лошадь в поездках.

– А потом что с ним было?

– Потом? Потом хозяину волка надо было уехать. Ехать нужно было очень далеко – сначала в кибитке, потом в поезде. Кроме того, он не знал, как ещё он устроится на новом месте и захотят ли там принять его вместе с волком. Поэтому он не решился взять его с собой. Он подарил волка своим друзьям. Волк не захотел жить с ними. Тогда хозяин отвёл его в лес. Волк нашёл дорогу и ещё раньше хозяина вернулся домой. Наконец – ничего не оставалось делать – решили его отравить и насыпали ему в кашу яду. Волк съел; шатаясь добрался до подстилки и вытянулся замертво. А хозяин, очень расстроенный, сел в почтовый тарантас и уехал... Через две почтовые станции смотрит – за тарантасом, высунув язык, поспешает бедняга волк. Порция яда оказалась слишком маленькой: волк благополучно выпался и, как только пришёл в себя, бросился за хозяином. Весь длинный путь, около тысячи вёрст до железной дороги, волк ехал в тарантасе. Потом путешествовал в поезде, на пароходе. Хозяин всюду выдавал его за свою собаку, а волк держал себя так хорошо, что все так и считали его собакой. У этого хозяина волк прожил до самой старости, и никогда они больше не расставались.

– Вот это хорошо, отлично! – сказали мы все в один голос. – Ну, расскажи ещё про волков.

– Да зачем я буду рассказывать? Вот привезу волчонка, будете сами его воспитывать, и тогда не я вам, а вы мне много интересного расскажете.

После этого не было дня, чтобы я не напоминала отцу:

– Ну что же ты волчонка не привозишь? Обещал – так вези.

...Однажды утром около моей кровати кто-то громко сказал:

– Вставай, привезли!

Я сразу поняла, кого это привезли, вскочила, накинула платье и побежала во двор.

– Беги в кузницу! – крикнул мне вдогонку отец.

В конце двора была заброшенная кузница. Там сваливали всякий ненужный хлам: поломанные сани, заржавленное железо, разбитую посуду.

¹ Верста – старая русская мера путевой длины, равная 1,067 км.

Дверь кузницы была плотно закрыта и привалена тяжёлым камнем. Я потянула её к себе. Дверь подалась немного, и я бочком протиснулась внутрь. Там было темно. После яркого света я ничего не могла рассмотреть.

Вдруг под печкой, где кузнецы раздувают огонь, послышался шорох. В темноте зажглись четыре зелёных огонька. Я вздрогнула и попятилась. Я нисколько не побоялась бы обыкновенного волчонка, но... с четырьмя глазами...

– Да он не один! Их двое.

Волчата заворчали и, судя по шороху, полезли ещё дальше под печку.

Я знала, что лучший способ расположить к себе животное – это покормить его получше. Я побежала на кухню, налила в миску молока, крошила туда хлеба и вернулась в кузницу. Приоткрыла дверь, чтобы было немножко посветлее, поставила миску на земляной пол, а сама спряталась в темноту.

Волчата долго боялись подойти к еде. Но она пахла очень заманчиво, а они были голодные.

И вот из-под печки выглянула одна серенькая мордочка. За ней – другая. Волчата выползли на свет, осмотрелись и осторожно подобрались к миске.

Тут уж они забыли всякий страх. Широко расставив лапы, они хватили куски, дрожали, захлёбывались, толкали друг дружку. Оттого, что им надо было сразу и проглатывать и рычать, они давились и кашляли прямо в миску, так что молоко в ней вздувалось пузырями.

Они были так заняты едой, что не заметили, как я подошла ближе.

Продолжая ссориться, они, как самые обыкновенные голопузые щенки, оттирали друг друга плечами. Как и у щенков, у них были большие животы и лапы, только хвостики были потоньше и поглее, а уши торчали вверх.

Еда кончилась, но волчата не собирались расставаться с миской. Один забрался в неё с ногами и старательно вылизывал последние крошки. Другой поднял голову, вздрогнул и пристально уставился мне в лицо. Я видела, что волчонок растерялся, улыбнулась и, чтобы он не боялся, хотела его погладить.

Щёлк! Я едва успела отдёрнуть руку. Волчонок тоже отскочил в сторону.

Вот злючка несчастная! От горшка два вершка, а тоже ещё, не даётся погладить! Чуть палец не откусил. А за что, спрашивается: за молоко и хлеб? Ладно же!

Я не стала больше набиваться им в дружбу. Но, по правде, мне было обидно.

Во дворе меня окружили ребята:

– Ну, что волки, какие они?

– Отличные волки, – ответила я без запинки, – сразу же стали ко мне привыкать. Уже слушаются меня. Вот только надо придумать им имена.

Мы расселись на брёвнах тут же, возле кузницы, и стали придумывать. Отец сказал, что волчата – самка и самец, и мы назвали их Диана и Том.

В полдень я снова принесла им еду и позвала, зачмокав губами: «Путь, путь, путь, путь...»

Волчата вылезли и принялись есть. Пока они ели, я широко раскрыла дверь. В кузницу заглянули собаки. Я испугалась, что они будут драться с волчатами, и хотела их прогнать. Но волчата сами бросились к ним навстречу, поджав хвостики и улыбаясь. Они старались лизнуть их в морды, опрокидывались на спину, дрыгали в воздухе ногами – словом, пресмыкались перед ними, как настоящие щенки. Наверно, они принимали собак за волков и потому так сильно радовались.

Собаки строго на них огрызнулись. Миска с едой была им в сто раз интереснее этих двух маленьких подлиз. Они понюхали миску, доели то, что волчата не успели, и пошли из кузницы во двор.

Волчата так ликовали при виде собак, что забыли всякий страх и осторожность и побежали следом за ними. Они отошли довольно далеко, как вдруг оглянулись по сторонам и... ужаснулись. Ничего похожего им никогда не встречалось в лесу.

Увидели телегу – прилегли к земле и оскалились. Подождали немного – телега не шевелилась. Видно, не собиралась нападать. Они осмелели.

Вытягивая шейки и приседая от страха, они дошли до середины двора.

Собаки давно убежали от них на крыльцо, и волчата остались одни. Они жалобно заскулили, но собаки не пожелали сойти к ним. Тогда они убрались восвояси.

На беду, им пришлось проходить мимо амбара. Под амбаром жила собака Лютня со своими новорождёнными щенками. Она вообразила, что волчата подкрадываются к её детям. Вылетела, схватила за шиворот Томчика и основательно его встряхнула.

Мы бросились выручать волчонка.

Лютня выпустила его из зубов, и оба они – Дианка и Том – убежали в кузницу, забились под печку и утихли.

Вот бедняга Том! В первый раз вышел – и так ему досталось!

Мы в смущении топтались вокруг кузницы, заглядывали под печку, ласково заговаривали с волчатами, подсовывали им разные лакомства.

Они милостиво съедали угощение, а в ответ на уговоры только сердито бурчали.

Но, как ни велика была обида, они недолго усидели под печкой.

Сначала высунулась Дианка. Вылезла, посидела немножко и опять юркнула обратно.

Потом вылез и Томчик. Ухо у него было всё в крови, голова взлохмачена, под глазом оцарапано. Он встряхивал головой и наклонял больное ухо к земле.

Рядышком, плечом к плечу, уселись они на пороге кузницы и смотрели на двор, обиженные и грустные.

Следующий день прошёл так же, а на третье утро, когда я пришла их кормить, они уже стояли у дверей и ждали.

Дианка вышла во двор и, незаметно для себя, взобралась за мной на ступеньки террасы. А Томчик остался внизу.

Мы заметили, что Дианка была гораздо бойчее брата. Она первая вылезала на зов и при виде чашки с едой умильно облизывалась.

На террасе как раз пили чай. Дианку отлично встретили. Никто её не пугал. Наоборот, все старались угостить её чем-нибудь. Ей набросали много лакомых кусочков. Она наелась и, очень довольная, спустилась вниз к брату.

Трусишка Томчик обнюхал её мордочку и сразу же догадался, что Дианка очень вкусно поела. Он облизнулся и снова стал нюхать. А Дианка стояла весёлая. Глаза у неё блестели, как бусинки, хвост топорщился от сытости и ни за что не хотел прижиматься к телу. Всем своим видом она словно говорила: видишь, как хорошо быть храброй!

Потом оба волчонка отправились знакомиться с местностью.

На этот раз они уже не выглядели такими запуганными. Они спокойно осмотрели двор, обогнули дом и очутились в саду.

Я потихоньку пошла за ними. Сад напомнил им лес. Они как-то сразу выпрямились, осмелели, прыгнули в кусты. Потом выбежали на полянку, заиграли и опять скрылись в глубине сада. Они обнюхивали каждый куст, знакомились с каждым деревом. Наигравшись, завалились спать в зарослях вишняка. Там я их и оставила. В эти заросли я принесла им обед. Но на том месте, где они заснули, никого не было. Я стала их звать. Долго звала и всё всматривалась в гущину сада: не идут ли волчата?

Миску с едой я поставила на траву и присела около неё, помешивая палочкой.

Куда же они подевались?

Я начала беспокоиться. И вдруг вижу: в кустах, у самой моей руки, мордочки!.. Они давно уже подкрались и смотрели, что я делаю. Должно быть, они думали: «Вот глухая тетеря, под самым носом ничего не слышит!»

А как их услышишь, когда они такие толстые, неуклюжие, а ходят бесшумнее бабочек?

Пока волчата ели, я растянулась на траве и притворилась, будто сплю. Не знаю: то ли сад и свобода так подействовали на волчат или, может быть, правда, они уже привыкли ко мне, только обращались они со мной очень нахально: один подышал мне в лицо, другой дёрнул за платье, за косу. Дианка украла мою туфлю и утащила её в заросли. Томчик пустился за ней отнимать. А когда эта их новая игрушка наконец опять возвратилась на мою ногу, вид у неё был очень потрёпанный.

Весь день они провели в саду и в саду же остались на ночь.

Так прошло несколько дней. Волчата пользовались полной свободой. Я знала только одно: кормить их получше, чтобы им не пришло в голову отправиться куда-нибудь на добычу.

Первый раз я кормила их на рассвете, часов в пять утра. Чтобы никого не будить, я с вечера приготавливала еду и прятала её около своей кровати, а с восходом солнца вылезала через окно в сад, находила волчат и кормила. Когда они заканчивали есть, я забирала чашку, и опять через окно влезала в комнату, и снова заваливалась спать.

Волчата провожали меня до окошка и так запомнили его, что, когда я, бывало, засплюсь и опоздаю, они подходили к окну, становились на задние лапки, поднимали головы и выли.

Моя кровать стояла под окном. Я выглядывала, и волчата, видя, что я проснулась, прыгали от радости.

Они стали совсем ручные. Я тоже к ним очень привыкла, и если не видела их несколько часов, то уже скучала по ним.

Часто и подолгу я играла с волчатами. Мы барахтались в траве и бегали по саду. А если мне случалось прийти в сад читать, они моментально отыскивали меня, садились напротив и, подождав немного, начинали меня тормошить.

Раз как-то Дианке наскучило, что я всё читаю, и она, громко зевнув, уселась на книгу. Я толкнула её, перевернула на спину и за задние лапки потянула по траве. А Том в это время схватил книгу и с особенным удовольствием растрепал её по листочкам.

У волчат была забавная привычка. После еды животы у них становились как тугие барабаны. Они ложились на траву и ползали, разглаживая живот о землю.

Удивительно, ведь они не знали медицины, а понимали, что массаж – вещь полезная.

Как-то я бродила с ними по саду и вздумала полакомиться сливами. Снизу слив не достать – высоко. Я полезла на дерево. Трясу и слышу, как сливы сочно шлёпаются на землю. Натрясла порядочно. Слезая. Ищу, ищу под деревом и ни одной не нахожу. Что за непонятное явление? Полезла опять. Опять натрясла, а когда слезла на землю, увидела, что Дианка и Том взапуски подбирают и едят мои сливы.

Оказалось, что они очень любят фрукты, понимают в них толк и безошибочно отбирают самые спелые.

Я стала часто их угощать – трясла им сливы, абрикосы и яблоки.

Дианка и Том излазили все закоулки сада, но редко подходили к дому. Они были малообщительны и людей не любили. Знали и любили они только меня. Меня они встречали, ласкались ко мне, прыгали передними лапами ко мне на грудь, лизали руки, лицо.

Как-то я похвасталась, что волчата знают мой голос и отличают от всех других.

Меня подняли на смех:

– Всё это ты выдумываешь! Ничего они не различают, а просто подходят за кормёжкой. Проголодаешься – так небось ко всякому пойдёшь.

– Нет! – стояла я на своём. – Вот давайте испытаем, тогда сами увидите.

Собралось человек восемь ребят. Заинтересовались даже взрослые.

Все столпились у калитки сада.

– Только давайте мне миску с едой, – сказала сестра.

Она взяла миску, вошла в сад и начала звать. Звала долго, но никто не вышел, и она с позором возвратилась обратно.

Пошёл другой, третий... Перепробовали все. Тогда я сказала:

– Ну а мне даже миски не нужно, ко мне они и так прибегут, – и вошла в сад.

Признаться, я сильно струсилась: а вдруг Дианка и Том подведут?

– Дианочка! Томчик! – позвала я волчат. А у самой сердце так и билось от волнения.

И все увидели, как они ко мне бросились. Волчата сейчас же подбежали, потому что были близко и только ждали моего зова.

– Вот! А вы говорите – не различают!

Лето подходило к концу. Волчата заметно выросли; это было видно по тому уважению, с каким теперь относились к ним собаки. Раньше, когда волчата были совсем маленькие, собаки не обращали на них никакого внимания. Теперь они всё чаще и чаще стали навещать в гости к моим питомцам.

Как-то раз они ворвались в сад и начали носиться между деревьями, лая, визжа от восторга и кувыркаясь. Было ослепительно яркое утро. Земля была мягкая, и опавшие листья так и манили зарыться в них носом. Собаки перепрыгивали одна через другую, подкидывали носами тучу листьев и, казалось, не могли остановиться ни на минутку, словно внутри у них кто-то завёл тугую пружинку и она неудержимо толкала их вперёд. Волчата были захвачены собачьей радостью и тоже разыгрались. Дианка ударила лапой Тома, отскочила, пригнулась и ждала: «Ну-ка, Томчик, давай-ка им покажем, как по-нашему играют».

Тут поднялась такая кутерьма, что всё перемешалось. И скоро Дианка уже удирала от Заграя, а Лютня тянула за хвост Тома. И когда Том, обернувшись, сшиб её лапой с ног, она ничуть не обиделась, вскочила, отряхнулась и с ещё большим жаром продолжала игру.

После этого собаки стали каждый день приходить в сад. Дианка и Том, играя с ними, выходили во двор. Между собаками и волками началась дружба.

Такая дружба – редкость. Но уж если волк подружится с собакой, то дружба эта крепкая. Знаете, какой случай был на Севере, у одного якута?

Якут этот однажды стоял со своими оленями на зимовке. Вокруг на много вёрст не было ни жилья, ни собак. И у него была только одна-единственная собака – лайка, которая сторожила вместе с ним оленей. И вот якут стал замечать, что лайка ворует юколу (сушёную рыбу) и уносит её куда-то в лес. Он попробовал последить за ней, но ничего не узнал. Лайка аккуратно каждый день таскала рыбу. «Почему она не ест сама? Куда она её уносит?» – удивлялся якут. К весне у лайки совершенно неожиданно родились щенята. Хозяин собаки был очень доволен. Щенки – большая радость в хозяйстве якута-оленевода. За хорошую собаку на Севере дают оленя. А эти щенки были на редкость хорошие: сильные, выносливые и росли как на дрожжах. Вскоре якуту пришлось перекочевать на летнюю стоянку. Он сложил свой скарб на сани и поехал, а лайка со щенками побежала сзади. На пути им пришлось проезжать через лес. Вдруг якут оборачивается и видит, что к его собачьему семейству присоединился волк. В первую минуту он схватил ружьё и хотел его убить. Но тут его осенила догадка. Он понял, что этот волк – отец щенят и что лайка для него воровала зимой сушёную рыбу. Он не застрелил волка, и волк со своей семьёй отправился на летнее становище...

К зиме Дианка и Том стали совсем взрослыми. У них выросла густая длинная шерсть и на щеках – баки. Хвосты сделались пушистые, мягкие. Ростом они были уже с крупных, мощных собак.

Незадолго до первого снега волки устроили себе логово. Оно было настолько большое, что иногда вместе с волками там заваливались спать и собаки.

Дружба с собаками плохо отразилась на Дианке и Томе: от собак они научились рвать кур. Дома им за это сильно доставалось, поэтому они отправлялись через забор к соседям и хозяйничали у них. Один раз к отцу явился сосед. В руках у него была растерзанная индюшка. Он уверял, что это сделали наши волчата, и требовал за неё денег.

– И смотрите, – грозился он, уходя, – если только увижу их у себя, уж я...

Дианку и Тома в тот же день привязали на цепь. Жить им стало теперь не так, как раньше, широко и привольно.

Однажды утром к нам во двор зашёл шарманщик и заиграл какой-то вальс. Вдруг за сараем послышался громкий грубый голос. К нему присоединился второй. Это волки запели вместе с шарманкой. Только они начали петь, сейчас же из всех закоулков повывелись собаки. Они тоже подняли морды и давай подтягивать на разные голоса. Получился такой концерт, что шарманщик смеялся до слёз. Он махнул рукой на свои вальсы: их всё равно никому не было слышно, и он вертел ручку шарманки только ради неожиданных лохматых певцов.

Волчата выли теперь очень часто: нелегко вольному существу на цепи, в неволе!

Бывало, не успеет ещё как следует стемнеть, а они уже начинают своё унылое: «У-ууу, у-ууу!...»

Мы заметили, что собаки научились выть по-волчьи, а волки... лаять, совсем как собаки.

Отец сначала не верил, а потом сам убедился в этом. Как-то Дианка лаяла. Я пошла и позвала отца. Он услышал, удивился и сказал, что это большая редкость.

Чтобы облегчить волчатам неволю, мы водили их в поле, за город. Чуть только выпадет свободная минутка, возьмём цепочки в руки и идём гулять. Волки прекрасно бежали в поводу. Но вот в чём беда: уж очень мы были плохими товарищами для них в ходьбе. Мы, бывало, находимся до того, что хоть языки высовывай от усталости, а они только ещё во вкус входят.

Им всё-таки не хватало движения, и они старались сорваться с цепи. Они наловчились отвызываться. Нажмут каким-то образом скобочку у цепи – и снимут её с кольца у ошейника.

Когда они отвызывались, все домашние бежали за мной. Волчата подходили только ко мне. То и дело слышалось:

– Ну ты, Сестра Волков (это меня так прозвали), иди привязывай своих красавцев!

Как-то перед Новым годом я услышала крик:

– Томка сорвался и убежал к соседу!

Я – как была, без пальто, без шапки, – выскочила во двор. Чтобы не бежать кругом, через улицу, я бросилась напрямик, через сад. Дорожек в саду не было, а снег лежал по колено.

Ещё издали через решётку забора я увидела, что посреди соседнего двора стоит Томчик, а на крыльцо выходит сосед с ружьём.

– Подождите! – закричала я что есть силы. – Подождите!.. Я сейчас!.. Я привяжу!.. Не стре... – Голос у меня сорвался. Я увидела: сосед поднял ружьё...

Раздался выстрел, и Том как подкошенный свалился на снег.

Я добежала... швырнула в соседа цепью, ухватила его за тулуп, трясла изо всех сил и повторяла:

– Ах, вы!.. Вы...

Собралось много народу. Все шумели, кричали.

Я положила мёртвую голову Тома к себе на колени и, сидя около него на снегу, горько-горько плакала.

Не помню, как мы вернулись домой, как принесли Тома...

В тот же вечер я, простудившись, слегла в жестоком жару.

Я пролежала в постели почти два месяца.

Оставшись одна, без Тома, – а тут ещё и я заболела, – Дианка совсем затосковала. В первые дни она даже от еды отказывалась, выла, металась; все думали, что она издохнет.

Во время болезни, в бреду и когда приходила в сознание, я упрашивала всех приласкать Дианку, кормить её и смотреть за ней получше.

– А Дианку кормили?.. А Дианка уже спит? – спрашивала я каждый раз, когда мне приносили бульон или укладывали меня спать.

– Дианка молодец! Ест за двоих и о Томчике уже вовсе не вспоминает.

Когда я стала поправляться, я попросила, чтобы её привели ко мне в комнату. Пришла, гремя цепью, огромная волчица. Я сперва даже не узнала Дианку – такой у неё был могучий вид. И она тоже не узнала меня. Но только у меня-то вид был вовсе не могучий: меня обрили и я так похудела, что остался один нос.

Дианка с интересом оглядывала незнакомую обстановку. Я позвала её:

– Дианка! Дианочка!

Она сразу вспомнила мой голос и с силой рванулась ко мне. Я гладила её. Она закрыла глаза от удовольствия и так стояла, помахивая хвостом.

Около меня на кровати сидел толстый кот. Ему не понравилась Дианка. Он решил, что это просто нахальная собака, а собак он привык держать в строгости.

И вот недолго думая он расфуфырился, зашипел и... трах Дианку лапой по морде! Я так и обмерла.

У Дианки вся шерсть поднялась дыбом. Она раскрыла свою страшную пасть, и...

– Дианка, миленькая! Дианочка!..

Я уцепилась за неё что было силы. А она, взяв кота поперёк туловища, сняла его с кровати, поставила на пол и снова вернулась ко мне.

Каждую весну мы всей семьёй переезжали из города в лес. В пятнадцати верстах от города, в горах, был маленький домик – лесной кордон. Мимо кордона бежала горная речушка. В лугах было много цветов, а повыше, под самыми снегами, стояли на летних кочевьях – джай-

ляу – казахи. Их дети были нашими закадычными друзьями. Мы очень любили этот кордончик и всегда радовались весенним переездам.

В этом году я особенно ждала переезда – думала, что в горах Дианку не станут привязывать.

Но и там ей пришлось сидеть на цепи: недалеко от кордона был маленький посёлок, и тамошние жители боялись гуляющей на свободе волчицы.

Однажды Дианка сорвалась и убежала в посёлок.

На крыльцо одного домика выскочила злющая моська и, захлебываясь от ярости, стала кидаться на Дианку. И ведь какая бесстрашная! Сбежала с крыльца и прямо так и лезет! Вдруг Дианка схватила её и как-то в один миг перегрызла ей горло.

Из дома высыпали хозяева собачки – кто с дубиной, кто с кнутом – и окружили Дианку. Увидев, что дело плохо, она спряталась за меня и весело поглядывала на врагов: дескать, здесь-то я в безопасности, уж тут меня в обиду не дадут!

И верно, я не дала её в обиду. Но зато меня изругали последними словами и ходили жаловаться на меня и на Дианку родителям.

Прошло несколько месяцев. Что же это такое? Неужели Дианка так и будет вечно сидеть на цепи?

Отец уговаривал меня отпустить её на волю. Я долго не соглашалась.

– Привязать бы тебя на цепочку – попробовала бы, как это приятно.

Я решила «попробовать». Целый день просидела рядом с Дианкой – и согласилась.

Однажды утром я сытно накормила её. Отец сел на лошадь, взял в руки цепочку, и Дианка весело побежала за ним.

Отец увёл её далеко в лес, снял с неё ошейник, и она мигом скрылась в чаще.

«Да, – подумал отец, – как волка ни корми, он всё в лес глядит».

Он подождал, пока Дианка убежит подальше, и поехал в обратный путь. Вернулся домой к вечеру.

– Ну что она, ушла?

– Ушла, – ответил отец. – И забыла даже передать тебе привет.

– Ну что ж, и пусть... Очень хорошо... – Я опустила голову: всё-таки это грустно, когда твой товарищ легко покидает тебя и уходит в лес.

Но тут в руку мне ткнулся чей-то холодный нос. Посмотрела – а это Дианка! Она прибежала вслед за отцом...

И ещё раз мы попытались её отвести. Отец завёл её и уехал дальше, за перевал, в другую сторону.

Прошло четыре дня, и Дианка опять вернулась, усталая, отощавшая, вся в репьях. Видно было, что она долго где-то блуждала, но всё-таки отыскала свой дом.

Не знаю, чем бы это кончилось, если бы нам не пришлось переезжать в другой город. Прежде всего стал вопрос: как устроить всех наших питомцев?

Я, конечно, больше всего хлопотала о Дианке. Мне всё вспоминался рассказ отца про того волка, которого хозяин хотел отравить, и я изо всех сил старалась устроить Дианку так, чтобы ей без нас было так же хорошо, как с нами.

И вдруг, совсем неожиданно, это отлично устроилось.

За последние полгода в нашем городке и в окрестных сёлах произошло несколько краж. Воры увели со двора лошадей, коров и спрятали их неизвестно где. Для борьбы с кражами из России выписали сейчас же за большие деньги несколько известных собак-ищейек.

С собаками приехал специальный человек, которому поручили бороться с этим неслыханным прежде позором и безобразием.

Случайно я попала с отцом к этим собакам. Они были очень хорошо устроены. Для них отвели большой участок с садом. Каждая собака жила в отдельном домике. Кормили их досыта и никому не позволяли на них кричать или бить их.

Эти собаки были очень похожи на волков, и мне сразу пришло в голову: а не попросить ли, чтобы Дианку тоже взяли сюда? Я сказала отцу, отец – заведующему.

– Волчицу?! Ручную?! – закричал заведующий. – Да хоть сию минуту! Ведь это же моя мечта! Я как раз ищу такую...

И вот Дианка переехала в питомник и поселилась в одном домике с собакой-сыщиком Вольфом.

Я до отъезда каждый день ходила к ней в гости. Она по-прежнему ласкалась ко мне. Выглядела она сытой, весёлой и довольной. Я уехала спокойно, уверенная в полном её благополучии.

В новом городе у нас не было животных, и нам без них было скучно. Я не упускала случая узнать что-нибудь про Дианку. Первые два-три года заведующий питомником писал нам письма. Он сообщал, что у Дианки и Вольфа были щенки. Эти щенки отличались редкой выносливостью и здоровьем, а главное – из них вышли замечательные сыщики.

Потом мы перестали получать вести о собачьем питомнике. Только позже, стороной, мы узнали, что питомник этот стал знаменит на весь Казахстан. Собаки его без ошибок находили преступников. Спрятаться от них не было никакой возможности. На воров они нагнали такого страха, что в самой Алма-Ате кражи почти совсем прекратились.

Через несколько лет мы опять вернулись в Алма-Ату. Я первым делом пошла в питомник. Служащий сказал мне, что Дианки и Вольфа уже нет в живых. Они состарились и умерли.

– А дети их? – спросила я. – Можно их посмотреть?

– Сейчас собаки все на ипподроме. Там нынче выставка и состязания служебных собак.

Я побежала на ипподром. Громадные павильоны его были забиты народом, как в дни больших скачек.

Было очень интересно. Сначала показывали молодых щенят, которые только недавно начали учиться. Они старательно исполняли свои номера: прыгали через барьеры, влезали по лестницам на вышки, доставляли через поле вьючки со снарядами. Их заставляли отыскивать спрятанные вещи и выполнять много других поручений.

Вдруг прибежал кассир, который продавал билеты у входа, и громко закричал, что у него украли все деньги из кассы.

Публика заволновалась, все стали хвататься за карманы, щупать, целы ли у них деньги.

За ворами сейчас же пустили собаку. Она обнюхала кассу и бросилась в ряды, где сидела публика. Пробежала один, другой, третий ряд. В четвёртом, в самой середине, сидела богато одетая, расфранчённая женщина. На ней была большая, с огромным решето, шляпа – самая модная в то время.

Собака подбежала к этой даме, обнюхала её – и вдруг кинулась прямо к ней на плечи. Женщина загоразивалась руками и тоненьким, каким-то смешным голосом возмущалась:

– Что такое? Что за безобразие? Я буду жаловаться...

– Конечно, безобразие! – зароптали в публике. – Разве такая дама может украсть?

– Она же давно тут сидит, с самого начала...

– Собака ошиблась... Где же служащие, что они смотрят?

– Этак собака может любого человека ни за что изуродовать!

Но собака не понимала этих возгласов и продолжала своё дело. Вот она добралась до модной шляпы, вцепилась в неё зубами, рванула – и стащила шляпу вместе с волосами.

– Ой, что же это?! – крикнула какая-то женщина рядом со мной.

– Какой ужас! – поддержала её другая.

Но тут мы все увидели, что у дамы под большой шляпой и под длинными волосами – другие волосы, коротко остриженные, как у мужчины. Глянули вниз, а там собака уже растрепала шляпу, парик, вытащила аккуратно связанную стопку денег и, держа её в зубах, устояла на даму.

Тогда дама тут же при всех сняла через голову платье. Под платьем оказалась форменная тужурка, сапоги, брюки.

– Да это же служащий! – догадался кто-то.

Все захохотали, захлопали в ладоши. Каждому хотелось погладить умную собаку, но служащий сказал, что посторонним не разрешается ласкать служебных собак.

После этой сценки было показано ещё несколько представлений. Собаки проявили в них прекрасную выучку, сообразительность, смелость и замечательное чутьё. А потом был парад.

Перед публикой одну за другой проводили лучших, отличившихся собак, называли их имена, перечисляли их подвиги и объявляли награды. Музыка играла туш.

– Джой и Спай! – с торжеством в голосе объявил распорядитель парада. – Дети Вольфа и настоящей волчицы Дианы. Они только что вернулись с московской выставки. Там они заслужили высшие награды – большие золотые медали. На этом состязании они идут вне конкурса, потому что здесь им нет равных.

Все шумно захлопали в ладоши и стали подниматься с мест, чтобы получше разглядеть знаменитостей. Музыка снова играла туш.

Перед зрителями стояли два огромных красавца волка.

Я любовалась ими и вспоминала Дианку и Тома.

Мишка

В маленьком домике лесного кордона все спали. Под горой рокотала река, ворочала тяжёлые камни. Вдруг сквозь гул послышались голоса, понукавшие лошадей:

– Но-о! Но-о, Гнедой! Айда! Э-э-эй!

Тяжёлая подвода въехала на крутой подъём, дотащилась до кордона и стала.

Лошади опустили головы и шумно дышали.

Отец обошёл домик и кнутовищем постучал в окошко.

– Сейчас открою! – откликнулась из комнаты мама.

Пока она одевалась, отец и его товарищ, Федот Иванович, отвязали что-то лежавшее впряжку на телеге, осторожно положили на землю и стали распутывать верёвки.

Соскучившийся по дому Гнедой нетерпеливо толкал носом запертые ворота.

Наконец ворота распахнулись. Телега въехала во двор и остановилась у сарая.

– Что вы так долго не возвращались? – спрашивала мама, помогая убирать поклажу. – Я думала, уж не случилось ли чего.

– Как же, случилось. Задержались на два дня. Зато смотри, кого привезли! Это ребятам в подарок.

И они показали на что-то, в темноте похожее на телёнка.

– Батюшки! Да где же вы его поймали? Довезли-то как, такого маленького? Ну, давайте его сюда, в сарайчик. А кормить его не надо? Может, он есть хочет?

– Нет, сейчас он не станет есть: слишком его растрясло. Пускай он лучше отдохнёт, а завтра дадим ему молока.

Отец уложил «подарок» на солому, укутал его попоной и припёр дверь сарайчика большим камнем.

– А ты куда? Пошёл отсюда, дурень! – прикрикнул он на лохматого дворового пса Майлика.

Майлик давно уже старался обратить на себя хозяйское внимание. Едва под горой послышались голоса, он помчался встречать. Он расцеловал в морды Гнедого и Машку, облизал хозяйские сапоги, облетел волчком, крепко поджав хвост и закинув голову, весь двор – словом, из кожи лез вон, чтобы получше выразить свою радость и любовь к приезжим. А когда отец привалил к сарайчику камень, Майлик обхватил его лапами и силился откатить на прежнее место.

– Одурел от радости! – засмеялся отец. – А может, он и вправду хочет забраться в сарайчик? Задушит ещё малыша...

– Нет, это он так, перед тобой выслуживается, помогает. Пошёл, Майлик! Не суйся, куда не просят.

Все поднялись на крыльцо и вошли в дом. Разбудили Соню и меня.

Мы сбегали с ведёрком к реке.

На крыльце зашумел самовар. Мама стала жарить лепёшки. За чаем отец рассказал, как «подарок» остался один в лесу, возле убитой кем-то матери.

– Ведь вот какой народ подлый! Знают, что весной у них маленькие. Нельзя в это время охотиться. Нет, всё-таки стреляют. Убили у него мать, а он и толчётся вокруг неё. Да и правда, куда же ему, такому, деваться? А убивать тоже жалко. Ну вот мы и решили с Федотом Ивановичем взять его с собой. Пускай растёт с ребятами.

Мама очень это одобрила.

Ей с первого взгляда понравился маленький «подарок», и она сразу же стала его верной защитницей.

Юля и Наташа тоже проснулись. Услышали, что отец с матерью говорят про какой-то «подарок», и повысовывали из-за двери свои заспанные рожицы.

– Мама, – басом справилась Наташа, – а есть его можно, этот подарок?

– Нет, – ответила Юля, – он живой.

– Мама, а кто он такой?

– Мама, это нам, что ли, привезли? А ну-ка, где он? Где он, мама?

– Спице, спице! – строго прикрикнула мать. – Завтра увидите.

Ничего не поделаешь, пришлось им дожидаться завтра.

Мама проснулась рано, чуть только забрезжил рассвет. Встала, разбудила Соню и меня, и мы все вышли во двор.

Лошади всю ночь стояли на выстойке без корма. Они успели уже обсохнуть от пота и были голодные. Увидев нас, они тихонько заржали.

Мы сняли с них сбрую и погнали вниз к реке. Они напились, прибежали обратно во двор и, став у плетёной кормушки, принялись громко жевать клевер.

Соня подоила корову и выпустила её за ворота. Корова отправилась в горы пастись.

А мама зашла в дом, отлила в ведёрко парного молока и позвала младших сестёр:

– Ну вы, сони! Вставайте, пойдёмте нашего гостя кормить.

Юля мигом вскочила, накинула платье и башмаки и побежала за мамой.

Она вся дрожала, но не столько от утреннего холода, сколько от возбуждения.

Дверь сарайчика была открыта настежь, и Соня ласково говорила кому-то:

– Ну, ну, дурачок, будет тебе...

Рядом с ней на соломе стоял маленький олень и сосал её пальцы.

Юля захлебнулась от восторга. Она подсела к оленёнку и стала поглаживать его мордочку и ножки, заглядывала ему в глаза и без конца задавала вопросы:

– Отчего у него такие тоненькие ножки?.. Сколько ему лет?.. А где его мать и отец?.. Он на телеге при-ехал?.. Смотрите, смотрите, как лижет руку! – Она растроганно засмеялась. – Проголодался, значит.

Мама дала ему палец и вместе с мордочкой малыша опустила руку в ведро. Оленёнок понял, засосал палец и стал тянуть молоко.

Он жадно глотал, захлёбывался и фыркал, когда молоко попадало ему в ноздри. Мы шёпотом обсуждали каждое его движение.

– Смотри, как он ноги широко расставил. Это чтобы не упасть.

– А они всё равно у него гнутся – вот-вот поломаются.

– Да нет, это он – чтобы побольше влезло.

– А ведро как толкает! Как телята, когда сосут корову.

– Так что же, ведро ему корова, что ли? Вот глупый!

Мы с Юлей затряслись от смеха. А Соня строго посмотрела на нас и сказала:

– Сами вы больно умные! Даже не знаете, кто это такой.

– Нет, знаем: оленёнок.

– Сами вы оленёнки! Это вовсе марал. Такой азиатский олень. Я про него всё знаю, в Бреме прочтала – там всё про них сказано.

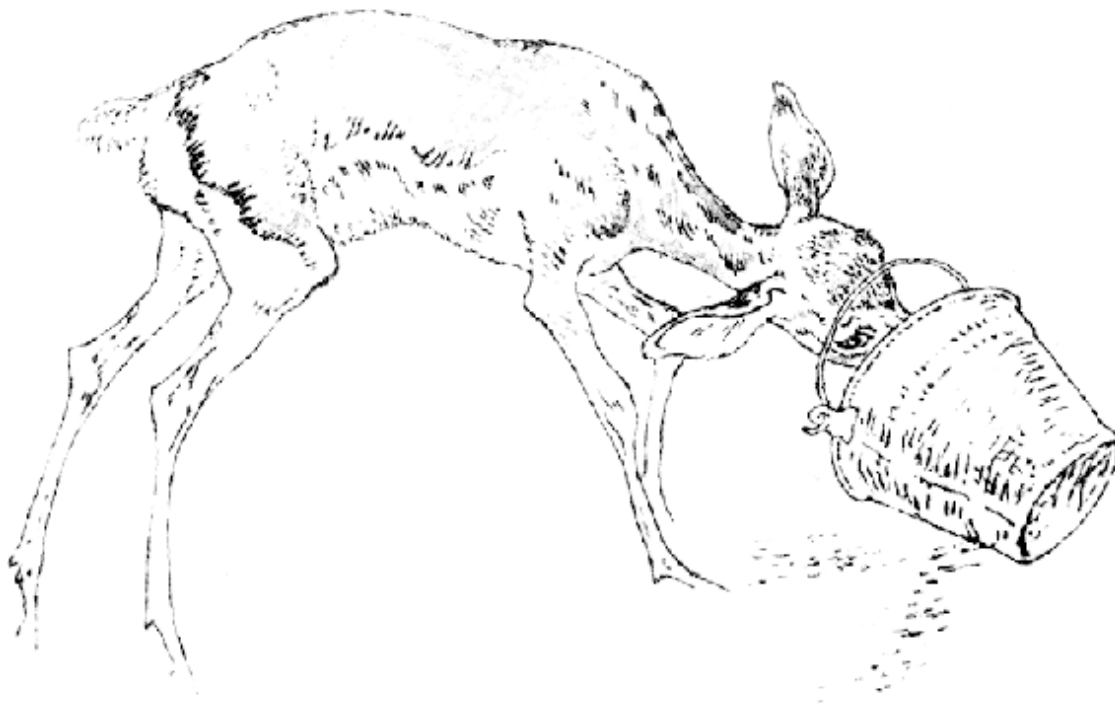
После такого сообщения мы затихли и с уважением стали оглядывать этого «марала».

У него были длинные ножки с острыми копытцами, тоненькая шея и круглая широкая головка с большими, как лопухи, ушами. Он беспрестанно встряхивал и шевелил ими. Глаза у него были как крупные сливы, лоб широкий, а нос маленький, с раздувающимися ноздрями. Ростом он был с новорождённого жеребёнка. Мягкую, пушистую шкурку его так и тянуло погладить. По обе стороны спины на ней проглядывали белые пятнышки. Хвоста не было вовсе: так, коротенький толстый огрызок и вокруг него белое пятно, словно тут подвесили салфетку.

– Как его зовут, мама?

– Его зовут Мишка, потому что его поймали возле села Михайловки, – опять не вытерпела Соня. – Так назвали его вчера вечером, когда вы уже спали.

Удивительно она любила выгружать свои знания: не успели мы опомниться, как она уже рассказывала нам всё о Мишке так, как будто она сама его поймала и привезла.

А Мишка тем временем выпил молоко, нагнул ведёрко, вытянул последние капли, забавно завертел своим огрызком-хвостом и начал толкать ведро головой.

От сильного толчка ведро выкатилось из сарая. Мишка вышел за ним, опять всунул в него голову и стал вертеться вокруг, возя его по двору.

Он надеялся, что ведро, как мать-олениха, если хорошенько его поддать, возьмёт да и спустит ещё молока.

На крылечко вышла коротышка Наташа. Она только что проснулась и хмуро оглядывала двор.

Там всё ещё гремел ведром Мишка.

Вдруг он взмахнул мордочкой и сразу всеми четырьмя ногами отскочил в сторону. Потом оглянулся вокруг, боком-боком подскочил к Майлику, нагнул перед ним голову и стал выбрыкивать какие-то диковинные прыжки.

Майлик встал, раскрыл глаза от удивления, поглядел на танцора да как рявкнет: «А-рр!..» Мишка так и взвился ракетой. Бросился к маме, спрятался за её спину и, опасливо высунув голову в сторону Майлика, запищал: «Ик-ик-ик!..»

Ноздри у него раздулись, ушки насторожились, а бока так и ходили: он порывисто дышал от испуга.

Наташа залилась басистым хохотом и затопала ногами от восторга:

– Пищит, как кошка!.. А Майлик... Он как даст ему!..

Когда вскипел самовар и мы все пошли в дом, Мишка полез на крыльцо вслед за нами. Пока пили чай, он, стуча копытцами, ходил по комнате и обнюхивал всё, что попадалось ему

на глаза. Совал мордочку в окна, под кровать, обнюхивал стоявшие на лавке кринки. Потом обошёл вторую комнату и наконец, выбрав уютное местечко (как раз на пороге, у всех под ногами), опустился на колени и лёг.

Рядом с ним на полу лежала бумажка. Мишка захватил её губами и, громко шурша, принялся жевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.